

На правах рукописи

ШЕШКЕН Алла Геннадьевна

**Македонская литература XX века.
Особенности формирования и развития**

Специальность –

10.01. 03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература).

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва 2008

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Г.Я. Ильина
доктор филологических наук, профессор Б.А. Гиленсон
доктор культурологии, профессор Е.И. Волкова

Ведущая организация - Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, кафедра славянской филологии.

Защита диссертации состоится 6 июня 2008 г. в 16 час. на заседании диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, г. Москва, Воробьевы Горы, МГУ им. Ломоносова, 1 корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан «_____» _____ 2008

Ученый секретарь диссертационного совета

Кандидат филологических наук, доцент Сергеев А.В.

Степень разработанности темы и актуальность исследования.

Диссертация посвящена проблемам становления и развития македонской литературы XX в. Ее история тесно связана с судьбой многострадального народа, обреченного на протяжении многих столетий вести изнуряющую борьбу за существование и подвергавшегося жестокой ассимиляции. Македонская литература – молодая литература, имеющая древние корни, со сложным путем создания литературного языка как фундамента национальной литературы. Болгаро-македонские диалекты послужили основой для старославянского языка. Охридская книжная школа (XI в.) была одним из крупнейших очагов церковнославянской письменности. В силу исторических причин, не имея своего литературного языка вплоть до конца 1930 - первой половины 1940-х гг., македонские писатели создавали художественные произведения на других языках и языках македонских диалектов. С образованием после Второй мировой войны в составе ФНР Югославия (позднее СФРЮ) Народной республики Македония впервые возникли условия для кодификации македонского литературного языка и придания ему статуса государственного языка (1945), наравне с сербскохорватским и словенским языками. Начался интенсивный процесс становления и эволюции македонской литературы.

Раскрытие внутреннего потенциала македонской словесности и ее развитие происходило в течение почти полувека в контексте и тесном взаимодействии с другими литературами Югославии. Когда в 1991 г. произошел распад Югославии, и было образовано самостоятельное государство Республика Македония, национальное искусство слова уже представляло собой сформировавшийся, яркий и обладающий внутренней динамикой организм. Македонская литература стала неотъемлемой частью мировой словесности. Ее произведения переведены и изданы на многих языках мира, в том числе русском. Переводчиками македонской поэзии на русский язык были известные поэты К. Симонов, М. Алигер, Е. Винокуров, Д. Самойлов, В. Огнев, С. Куняев, М. Зенкевич, Н. Глазков, В. Корнилов.

Изучение особенностей становления и развития македонской литературы – важная и актуальная научная задача. Самый весомый вклад в ее исследование внесли национальные ученые: Д. Митрев, Б. Конеский, А. Спасов, М. Гюрчинов, М. Друговац, Г. Сталев, Г. Старделов, Г. Тодоровский, В. Смилевский, Е. Лужина, Н. Петковская, В. Андоновский и др., а также специалисты из других республик бывшей Югославии: А. Барац, С. Янез, С. Ж. Маркович, Х. Георгиевский, Р. Иванович, М. Стоянович, Г. Калоджера. Чешскому компаративисту И. Доровскому принадлежат фундаментальные труды, вводящие в научный обиход македонскую литературу в рамках югославской и – шире – балканской межлитературной общности.

В поле зрения отечественной науки македонская литература оказалась сначала в связи с изучением специфики многонациональной литературы Югославии. Об этом писали С. Б. Бернштейн, Н. И. Кравцов, Г. Я. Ильина, Н. Б. Яковлева, Ю. Д. Беляева, М. Л. Бершадская, Н. М. Вагапова, А. Д. Романенко. Отдельные вопросы македонской литературы затрагивались в работах сравнительно-типологического характера С. Н. Мещерякова, Н. Н. Стариковой, А. Г. Машковой, Е. Н. Ковтун. Объектом специального рассмотрения она стала в статьях рубежа 1960–1970-х гг. Ю. Д. Беляевой¹, а в конце 1990-х – 2000-е гг. в работах М. Б. Проскурниной и А. Е. Евстратовой.

Впервые в нашей стране концептуальное систематическое рассмотрение истории македонской литературы было предпринято автором диссертации в подготовленных в 1990–2000-х гг. Институтом славяноведения РАН «Истории литератур западных и южных славян» и «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны»², в курсах лекций по истории македонской литературы на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова и монографии³.

Работы обобщающего теоретического характера по истории македонской литературы отсутствуют как в македонской, так и в российской науке. Одна из основных проблем, с которой приходится сталкиваться большинству исследователей македонской литературы, – неравномерность ее развития: то замедленность, то ускоренность эволюции, а то и качественные скачки (как это было после 1945 г.). Между тем попытки выявить природу этих явлений, обеспечивших молодой литературе эффективное раскрытие заложенных в ней возможностей, рассмотреть совокупность однонаправленных и разнонаправленных процессов до сих пор не предпринималось.

¹ Одна из первых в российской науке статей по македонской литературе: *Беляева Ю. Д.* Кочо Рацин и рождение македонской пролетарской литературы // *Зарубежные славянские литературы. XX век.* М., 1970. С. 369–384.

² *История литератур западных и южных славян: В 3 т. Т. 3. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год)* / Редколл.: Л. Н. Будагова (отв. ред), Р. Ф. Доронина, С. В. Никольский. М., 2001; *История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2 т. Т. 2* / Редколл.: В. А. Хорев (отв. ред), С. А. Шерлаимова, Г. Я. Ильина. М., 2000.

³ *Шешкен А. Г.* История македонской литературы. // *Македонистика. Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения.* М., 2002. С. 29–49; *Шешкен А. Г.* Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007; *Шешкен А. Г.* Студии по македонската литература. Скопје, 2005.

Основные цели и задачи:

1. Выявить специфику становления и развития македонской литературы в период с конца 1880-х по 1991 г., причины неравномерности («замедленности» / «ускоренности») литературного процесса.
2. Проанализировать влияние на развитие македонской литературы в разные исторические периоды геополитического и культурного пространства Балкан, в первую очередь Сербии (для XX в. Югославии) и Болгарии.
3. Исследовать роль югославской межлитературной общности в эволюции македонской литературы второй половины XX в.
4. Выявить значение литературных связей в обогащении современной македонской литературы, в том числе художественного перевода на македонский язык (на примере русской литературы), их роль в эффективном развитии национальной поэзии, прозы и драмы.
5. Рассмотреть диалектику соотношения индивидуальных черт македонской литературы и типологически родственных явлений ряда других славянских литератур.
6. Раскрыть специфику формирования национальной художественной системы и составляющих ее компонентов.
7. На основе совокупного изучения истории македонской литературы XX в. – проблемно-тематического, жанрового, стиливого – раскрыть ее самобытные черты.

Материалом исследования послужили самые значимые произведения македонской поэзии, прозы и драмы XX в., которые наиболее ярко отразили «ускоренное развитие» национального искусства слова и позволили показать специфику этого процесса.

Методологической основой диссертации являются труды по литературоведению российских и зарубежных (в первую очередь македонских) ученых: С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, Г. Гачева, М. Л. Гаспарова, В. М. Жирмунского, Н. И. Кравцова, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, А. М. Панченко, Г. Н. Поспелова, В. Е. Хализева, Х. Р. Яусса, Д. Дюришина, А. Димы, А. Флакера, М. Гюрчинова, Х. Георгиевского, М. Друговаца, В. Смилевского и др. Комплексный, системный подход к обозначенной проблеме базировался на применении историко-литературного, сравнительно-исторического и культурологического **научных методов**.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в отечественном и македонском литературоведении предпринята попытка теоретического осмысления истории македонской литературы XX в., специфики становления ее национальной художественной системы. При этом генезис, формирование и основные этапы эволюции молодой литературы рассматриваются с учетом факторов, повлиявших на динамику расширения ее идейно-тематической и жанровой основы и обогаще-

ние выразительных возможностей языка. Это также и первое в российском литературоведении обобщающее исследование по истории македонской литературы.

Теоретическая значимость работы. Теоретически значимы: 1) обоснование теории «ускоренного развития» македонской литературы во второй половине XX в.; 2) выводы о продуктивном влиянии культурного контекста и межлитературной общности Югославии на формирующуюся молодую литературу; 3) результаты наблюдений над взаимодействием национальной культуры с традицией мировой литературы в рождении национально особенного; 4) выявленная специфика эволюции форм эстетического сознания на разных этапах развития македонской литературы.

Практическая значимость работы. Она может использоваться как учебное пособие по македонской литературе, при чтении общих и специальных курсов по истории славянских литератур, при дальнейшей работе, связанной с написанием истории всемирной литературы.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 2 монографии, 1 учебное пособие, 24 статьи и рецензии, прочитано 12 докладов на международных и российских конференциях. На работы автора диссертации опубликовано 14 рецензий в научных изданиях России, Югославии, Македонии.

Структура работы: Диссертация строится по проблемно-хронологическому принципу. Она состоит из введения, пяти глав и заключения.

Основное содержание работы

Во **Введении** раскрывается актуальность избранной темы, подчеркивается ее неразработанность в российском и македонском литературоведении, отмечается научная новизна работы, указывается на необходимость применения системного подхода с использованием историко-литературного, сравнительно-исторического и культурологического принципов исследования. Дается общий обзор трудов отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению истории, языка, культуры и литературы Македонии. Формулируются цели и задачи диссертации и обосновывается ее структура.

Первая глава – **«Специфика формирования македонской литературы в условиях отсутствия государственности (1880–1945 гг.)**. Целостность этому достаточно продолжительному по времени периоду придают предпринимавшиеся на протяжении шестидесяти лет попытки решения национального вопроса и «филологических задач», связанных с созданием литературного языка. Главной особенностью литературного процесса была его «замедленность». В то же время налицо внутренняя динамика культурного развития. На стадии формирования македонская литература прошла через три разные исторические и культурные эпохи. Их границы очерчены судьбоносными историческими событиями.

ми: конец 1880-х гг. – Балканские (1912 и 1913) и Первая мировая война; межвоенное двадцатилетие; годы борьбы с фашизмом (1941-1945). Эти этапы отличались между собой по уровню общественного развития и содержанию основных культурных парадигм, что, безусловно, определило специфику явлений личностного, индивидуального порядка: особенности мировоззрения и субъективные пристрастия родоначальников национального искусства слова.

Раздел 1. **Первые попытки создания македонского языка и литературы (1880-1910-е гг.).** Первые попытки создания македонского языка и литературы на народно-разговорной основе увязываются в работе с историческими, социальными и культурными процессами, в первую очередь, с проявлением зародившегося у славянского населения македонских земель национального чувства. Исторической основой формирования национального самосознания было решение Берлинского конгресса (1878), согласно которому македонцы были оставлены в составе Османской империи. Они продолжили борьбу за освобождение от турецкого ига. Особая историческая судьба способствовала «усилению культурного и языкового своеобразия, вела к вызреванию элементов македонской нации»⁴.

Носительницей македонской национальной идеи стала интеллигенция 1890-х гг., которая поняла необходимость создания собственного государства, поставила и научно обосновала вопрос о самостоятельном литературном языке. Самой влиятельной политической силой была «Внутренняя македонская революционная организация» (ВМРО, Солунь, 1893), под руководством которой произошло жестоко подавленное вооруженное выступление македонского народа против османского владычества – Илинденское восстание 1903 г. По мере развития общественного движения, характерного для этапа национального подъема, этноним «македонец» входил в употребление⁵, выносился в названия культурных и политических объединений, действовавших на родине и в эмиграции («Молодая македонская литературная дружина» – София, 1891; культурное общество «Вардар» – Белград, 1893).

В формировании идеологии национальной самобытности особую роль сыграло «Македонское научно-литературное другарство» (Петер-

⁴ *Исаева О. Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 77.

⁵ Вплоть до 70-х XIX в. население Македонии, не имевшее четкого представления о своей национальной принадлежности, называло себя болгарами, сербами, реже греками. Неграмотные крестьяне называли себя «христианами», а свой язык просто «наш язык». В то же время оно (население) «не отождествляло себя ни с болгарами, ни с сербами». См.: *Усикова Р. П.* Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики: Дисс. в виде научного доклада на соиск. уч. степени доктора филол. наук. М., 2005. С. 9–10.

бург, 1902) объединившее студентов и выпускников российских учебных заведений (Д. Чуповский, К. Мисирков Н. Димов, Д. Мишайков, С. Дедов и др.). Его участник Крсте Мисирков (1874-1926), ученик известного слависта П. А. Лаврова, по типу личности и характеру деятельности принадлежит к подлинным «будителям» и просветителям народного духа. В книге «О македонских делах» (За македонските работи. София, 1903) он высказался о македонцах как об отдельном народе и о необходимости формирования македонского литературного языка, его введении в качестве обязательного предмета в школах, богослужении и делопроизводстве. Возможность этого языка быть языком науки подтверждает сама книга. Его художественный потенциал К. Мисирков планировал раскрыть в журнале «Вардар» (1905). Первым шагом в этом направлении стал перевод Мисирковым стихотворения «Странник» хорватского поэта П. Прерадовича (1818–1872). Но книга была сожжена, а журнал – запрещен.

В диссертации обращено внимание на переплетение в македонской культуре этого периода признаков разных исторических и культурных эпох: Средневековья, отдельных просветительских тенденций и романтизма. Борьба за образование народа на родном языке актуализировала просветительскую деятельность. Интерес к историческому прошлому и освободительный пафос придавали художественному творчеству романтическую окраску. Такая «стяженная» форма культурного процесса, сосуществование, а часто и взаимопроникновение архаичных и современных форм, наблюдались в период национального возрождения у многих славянских (и не только) народов.

В работе при характеристике первого этапа формирования македонской литературы выявлен ряд типологических черт, присущих периоду национального подъема и в других славянских литературах⁶. Обнаружены параллели с произведениями белорусской литературы (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, А. Пашкевич), которая в те же годы переживала период своего становления. Одной из наиболее выразительных – черт времени является тесная связь литературы с филологией, о чем ярко свидетельствует деятельность К. Мисиркова. Литературная жизнь приобретает «сильно выраженную филологическую окраску», что было обусловлено первыми попытками формирования национальных языков и их кодификацией. Важнейшее отличие культуры этого времени проявилось в повышении внимания ко всему национально значимому, в первую очередь к этнографии и фольклору. Фундаментальное собрание македонского фольклора осуществил М. Цепенков (1829–1920). «Народным языком» и в духе народной поэзии написана его драма «Црне-

⁶ История литератур западных и южных славян: В 3. Т. 2. М., 1997. С. 15.

воевода. Историческая пьеса в пяти действиях из македонской жизни на македонском наречии» (1903).

Основоположник национального театра Войдан Чернодринский (Войдан Поп Георгиев, 1875–1951) подтвердил своими пьесами верность научных выводов К. Мисиркова о существовании самостоятельного языка македонских славян и о возможности формирования его литературной нормы на народно-разговорной основе. Его пьеса «Македонская кровавая свадьба» (1900) вошла в классический фонд македонской литературы. Основу сюжета этой проникнутой патриотическим пафосом романтической драмы с трагическим финалом составили как факты реальной жизни, так и широко распространенный в фольклоре южных славян мотив сопротивления девушки обращению в ислам.

Использование традиционных фольклорных форм позволяет говорить о глубоко народном характере нарождающейся литературы. Своим героико-трагедийным наполнением и эпическим размахом пьеса создавала представление о мужественном народе, готовом сбросить вековые оковы рабства. Она демонстрировала романтическое мироощущение, которое проявляется, прежде всего, в мятежном духе и трагическом самопожертвовании героев.

Попытки создания литературного языка на народно-разговорной основе, подтверждение его выразительных возможностей в первых художественных произведениях, пронизанных романтическими настроениями (свободолюбивый патриотический пафос, опора на народную поэзию, романтический тип героя и конфликта), позволили утверждать, что в начале XX в. были созданы необходимые предпосылки для успешного развития национальной литературы. Этому воспрепятствовали, однако, трагические для македонцев исторические обстоятельства.

Раздел 2: Литература непризнанного народа: в борьбе за национальное и социальное равенство (1920-1930-е гг.). После Балканских (1912 и 1913 гг.) и Первой мировой войн Македония, избавленная от турецкого владычества, была разделена между Грецией, Болгарией и Сербией. Ни в одном из государств, в составе которых оказались македонцы, они не были признаны как нация, и их попытки развития собственной культуры и языка пресекались. Тем не менее, на протяжении межвоенного периода македонцами, проживавшими на территории образованного в 1918 г. Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. королевство Югославия) и Болгарии, предпринимались все более активные усилия по созданию литературы на родном языке

Исследованный материал позволил сделать вывод, что даже в условиях ассимиляции и запрета на использование родного языка в официальной сфере, как в Болгарии, так и в Югославии, произошло пусть не полное еще, но «возвращение» македонского народа в европейское и славянское культурное пространство. Это стало фактом исторического

значения, глубоко повлиявшим на изменение характера художественного творчества. В работе доказано, что есть все основания считать межвоенное двадцатилетие переходным по типу культуры этапом, готовящим условия для ее будущего интенсивного развития. Проникновение в патриархальную среду буржуазных отношений вело к «европеизации» образа жизни. Культура (хотя еще и не на родном языке) приобретала организованные черты (открыты средние и высшие учебные заведения, Народная библиотека, читальни, театр, издательства, возникли объединения художников и музыкантов) и усваивала новые формы. Этому существенно помогло прибытие в Македонию таких выдающихся личностей, как сербский драматург Б. Нушич, режиссер П. Живоинович-Массука, профессоров высших учебных заведений Королевской Югославии. На культурный климат важное влияние оказало также расселение в Македонии в 1920–1930-е гг. русских эмигрантов, многие из которых были высокообразованными людьми и способствовали развитию образования и науки в отсталом крае (Е. Аничков, П. Кульбакин, Н. Окунев, П. Митропан и др.). Город Скопье начал превращаться в культурную столицу Македонии.

Расширилась социальная и культурная основа для создания официально запрещенных национального языка и литературы. Широкое распространение в 1920–1930-е гг. получила массовая любительская поэзия. Литературные вечера, диспуты, концерты превратились в неотъемлемую часть культурной жизни македонских городов, став важным фактором культурного процесса.

В Македонии (до этого – в основном в эмиграции, России, Болгарии) начала издаваться периодика. Самыми значительными были: поддерживавший официальную культурную политику Югославии «Южни преглед» («Южное обозрение», 1928–1939), оппозиционный «Луч» (1937–1939) и марксистская «Наша реч» («Наше слово», 1939–1941). Вне зависимости от занимаемой позиции, подчеркивается в диссертации, эти журналы играли важную просветительскую роль и давали возможность высказаться по вопросам культуры и литературы представителям непризнанного народа. Они издавались в Скопье на сербском языке. Более того, в них под условным названием «южный диалект» были опубликованы на народном языке произведения македонских авторов Р. Крле, В. Илѣского, А. Крстича, К. Рацина, В. Марковского, М. Богоевского.

Это происходит в то время, когда художественная литература пишется на сербском (в Югославии) и болгарском (в Болгарии) языках. В тексты произведений лишь вводятся вставки на македонских диалектах, отражаются реалии из македонской жизни и национальные типы (роман А. Крстича «Траян», 1932).

Переходный характер культурной эпохи изменил лицо литературы. Она демонстрирует преемственность с предыдущим этапом в вопросах

национального языка, в решении «филологических задач», понимании значимости собирания фольклора. Но под влиянием изменившихся условий жизни и процессов, развивающихся в литературах Югославии и Болгарии, с которыми тесно соприкасались македонские авторы, происходит смена литературных парадигм. Романтизм уходит со сцены и утверждается реалистический с ярко выраженной идейной заостренностью тип творчества. Отличительной чертой литературы продолжает оставаться ее широкая опора на фольклор.

Основы македонской литературы закладывали писатели демократического происхождения – выходцы из ремесленников, крестьян, рабочих, не имевшие систематического образования, часто самоучки. Это наложило отпечаток и на поэтику произведений, в которых преобладают темы и сюжеты из народной жизни, выражается острый протест против социальной несправедливости, звучит призыв к борьбе за свои права.

Наибольшее развитие получает драма, в которой крепнут реалистические тенденции, расширяется ее жанровая модификация, углубляется трактовка характеров, усложняются конфликты, появляется психологическая мотивировка поведения персонажей. Конфликт переносится в рамки семьи, на сцене воспроизводятся простые, типичные житейские ситуации, сценическое пространство заполняется деталями, характерными для национального быта. Семья стала «сценой жизни» с ее острыми социальными и национальными противоречиями. В пьесах, построенных на конфликте отцов и детей, «Беглянка» (1928) и «Чорбаджи Теодос» (1937) родоначальник жанра комедии в македонской литературе В. Илѣский (1902–1995) вывел яркие национальные типы: смекалистого крестьянина, свахи, ханжи-богатея, ростовщика.

Образец социально-психологической драмы представляет пьеса А. Панова (1905–1968) о нищете и бесправии македонцев «На заработки» («Печалбари», 1933). Теме губительной власти денег посвящена лучшая драма межвоенного периода «Деньги убивают» («Парите се отепвачка», 1937) Ристо Крле (1900–1975). Это тенденциозная остросюжетная драма, в которой отец, не узнав своего сына, убивает его, чтобы завладеть золотом. Драма показывает, что ее автор был хорошо знаком с мировой драматургией: его пьеса построена по законам классической трагедии рокового стечения обстоятельств, усиленной атмосферой предзнаменований.

В конце 1920-х и особенно в 1930-е гг. литература стала выразительницей распространившихся в обществе идей борьбы за социальную справедливость и решение национальных проблем. В столице Болгарии в 1938–1941 гг. действовал «Македонский литературный кружок» (Н. Вапцаров, К. Неделковский, А. Жаров, А. Попов, Г. Абаджиев, Д. Митрев и др.). Большое влияние на его участников оказало творчество Х. Ботева, П. Яворова, Д. Дебелянова, Х. Смирненского. Руководитель кружка бол-

гарский поэт, уроженец Пиринской Македонии Н.Вапцаров отводил художественному слову важную роль в борьбе за социальное равенство и национальное освобождение. Пафосом борьбы против рабства и тирании, протестом против безжалостной эксплуатации трудящихся проникнут поэтический сборник К. Неделковского (1912–1941) «Молнии» (София, 1941). Вера в конечную победу справедливости и «светлое завтра» присутствует почти во всех произведениях этого поэта, выражаясь в символическом и идейном наполнении образов зари и рассвета.

В Югославии левые настроения охватили все национальные литературы. Сформировалось общегославское движение, известное под названиями «социальная литература», позже «социальный реализм», «новый реализм» (Й. Попович, Ч. Миндеревич, О. Давичо, Ю. Каштелан, Р. Зокович, К. Рацин и др.). В работе подчеркнуто, что «социальная литература» стала в истории македонской литературы тем художественным течением, в рамках которого происходит формирование и зарождение искусства слова на национальном языке. Это определило, на наш взгляд, особую роль данного явления в развитии македонской культуры, которая тоже внесла свой вклад в развитие художественной практики и литературной критики «социальной литературы».

Под этим углом зрения проанализировано творчество центральной фигуры македонской литературы конца 1920–1930-х гг., первого национального македонского поэта Кочо Рацина (Коста Апостолов Солев, 1908–1943). Он как личность сформировался в рамках социалистического движения Югославии и как писатель был связан с течением «социальной литературы». Ранняя лирика К. Рацина, написанная на сербскохорватском языке, тяготела к поэтике экспрессионизма («Фейерверк»). Эмоциональная обнаженность чувств, гротескная образность, оголенная тенденциозность и восторг перед грядущей революцией, позволяют сопоставить его поэзию с творчеством В. Маяковского⁷, словенца С. Косовела, сербского и черногорского поэта Р. Зоковича. Зрелое творчество К. Рацина второй половины 1930-х гг., сохраняя идейную направленность, обращается к основам национальной жизни и создается на македонском языке. Сборник лирики «Белые зори» («Бели мугри») был в 1939 г. издан нелегально в Загребе. Он показал, что переход на родной язык повлек за собой решительные изменения поэтики. Происходит смена лирического героя, формы стиха и его жанровой природы. Эта поэзия органично связана с народной песней (циклы «Элегии к тебе», «Коль имел бы мастерскую в Струге») и наполнена современным содержанием. Появление «Белых зорь» – результат долгого исторического пути, которое прошло искусство слова Македонии, и в то же время это

⁷ Большой интерес К. Рацина вызвала поэма В. Маяковского «150 000 000». См.: Рацин во сеќавањата на современиците. Скопје, 1982. С. 115.

этапное произведение, открывшее дорогу будущему развитию национальной словесности. Факт рождения на рубеже 1930–1940-х гг. национальной македонской литературы К. Рацин отметил в статье «Развитие и значение нашей новой литературы» (1940).

Художественная литература межвоенного времени сыграла решающую роль в становлении македонского литературного языка. Она вошла в художественное течение с четкой эстетической основой, включившись тем самым в общеславянский литературный процесс, обеспечив (это принципиально важно) преемственность внутри самой нарождающейся литературы.

Раздел 3. *Литература периода войны: 1941–1945.* Этот этап рассматривается как весьма значимый для дальнейшей судьбы македонской литературы, укрепившей позиции «социального реализма». Впервые начали складываться, насколько это было возможно, условия для развития национальной литературы, которая стала частью фронта борьбы с фашизмом. Писатели были участниками партизанского движения, в котором многие из них погибли (К. Рацин, К. Неделковский, М. Богоевский, А. Караманов).

В эти годы начал решаться вопрос о литературном языке. Был принят специальный документ «Провозглашение македонского языка государственным языком» (1944). В партизанских отрядах и на освобожденной территории македонский язык с самого начала вводится как официальный и начинает преподаваться в школах. На македонском языке во время войны издавались бюллетени, информационные листки, газеты («Искра», «Бюллетень», «Вестник», «Славяно-македонский голос»).

Самая эпоха определила содержание литературы. Борьба с фашизмом воспевается поэтами как «кровавый и страшный бой», в котором исчезнут «тираны народа». Этот образ, навеянный одновременно фольклором и пролетарским гимном «Интернационал», стал центральным в предсмертном поэтическом сборнике К. Неделковского «Пешком по свету» (Пеш по светот. София, 1941) и ключевым в поэме М. Богоевского «Тридцать девять лет прошло...» (1942).

Духовно-исторической подоплекой тесной связи с фольклором выступила потребность в массовой песне, поддерживающей боевой дух, прославляющей подвиг народа в борьбе с захватчиками. Речь может идти о возникновении в македонской литературе явления, довольно широко представленного в других национальных литературах данного периода. Это касается в первую очередь взаимодействия поэзии и фольклора, а также жанрового состава литературы. Наблюдается возникновение нового жанрового синтеза. Многие популярные стихи утратили авторство и распространялись как народные (М. Богоевский «Стоянка молодая партизанка»). Массовая песня времен войны «Сегодня над Ма-

кедонией» (слова В. Малеского) стала впоследствии государственным гимном Республики Македония.

В поэзии военного времени развивались преимущественно малые, новые для македонской литературы жанры. Особую популярность приобрели песни-марши. Широко исполнялись песни-баллады и героические поэмы. Для них характерен высокий патриотизм. Эпитет «свободная Македония» по частоте употребления стал близок постоянным эпитетам народной поэзии. В военные годы сформировался тип поэта-борца, с оружием в руках защищающего свою родину, готового отдать жизнь за счастье и равенство всех людей труда. Революционно-романтический настрой лирики А. Караманова (1927–1944) подчеркивается с помощью символических образов бури, стихии, ветра, распространенных в революционной поэзии, воспевающей гигантские изменения в жизни человечества. Преобладание лирического «мы» свойственно поэзии А. Караманова, как и многим другим поэтам эпохи. Идеал мужества и твердости находит выражение в популярных в лирике революционной эпохи эпитетах и метафорах, в которых часты слова «стальной», «железный».

Прочное тяготение к фольклору, народной поэтике дало возможность А. Шопову, М. Богоевскому, В. Малескому, К. Чашуле поднять изображение партизанского движения в маленькой стране до уровня героико-монументальной картины. В центре произведения военных лет – герой-партизан, вступивший в смертельную схватку с врагом и осененный ежеминутной близостью смерти. Это придавало повышенную эмоциональность художественному слову, сказавшемуся в единодушном призыве македонской поэзии к подвигу, и наложило на неё свою романтическую печать («Песни» А. Шопова, 1944). Поэтов военной поры объединяет героическая концепция личности рядового человека, мерилом красоты которого является самопожертвование. Важно отметить, что появляются и произведения (их еще немного), авторы которых пытаются раскрыть сложное душевное состояние личности, стоящей на пороге смерти («Из старого блокнота» Б. Конеского, опубл. 1953).

Годы войны стали для македонской литературы этапом накопления творческого потенциала. Сложилось поколение писателей, которые определили её лицо в послевоенное время (В. Малеский, Б. Конеский, А. Шопов, К. Чашуле и др.). Они создавали художественные произведения на народно-разговорной основе, расширяя базу для кодификации литературного языка. Был заложен, таким образом, фундамент для качественно новой эпохи в истории македонской литературы, главной характеристикой которой явилась интенсивность всех сторон литературной жизни.

Завоеванное во время Второй мировой войны национальное равноправие, обретение государственного статуса (с 1945 по 1991 г. Македо-

ния на правах республики входила в состав федеративной Югославии) стали главным условием бурного – «ускоренного» – развития литературы, которая буквально с первых своих шагов начинает демонстрировать черты, свойственные языку искусства XX в. Рождается словесность современная как по содержанию, так и по форме, занявшая достойное место среди славянских (и шире – европейских) литератур.

Теоретическому рассмотрению неравномерного, скачкообразного обогащения художественного слова и специфике его проявления в македонской литературе посвящена глава II – **«Македонская литература в свете проблемы неравномерности развития. “Ускоренное развитие” как закономерность литературного процесса новой эпохи. Его особенности и основные факторы».**

Уникальность формирования молодого искусства слова заключается отнюдь не в том, что оно избрало некий особый путь, ставящий македонскую литературу особняком. Напротив, в нем в концентрированном виде предстали явления типологические, в той или иной степени свойственные в прошлом истории целого ряда литератур. Так, славянские литературы (за исключением польской) в своем движении не обнаруживают последовательности, свойственной истории большинства литератур Западной Европы. Славянские литературы, развиваясь скачкообразно, демонстрируют свою специфику. На это в свое время обратили внимание русский критик В. Г. Белинский, сербский Й. Скерлич, белорусский М. Богданович и др.

Теоретическое осмысление это явление получило в работе по истории болгарской литературы первой половины XIX в. отечественного ученого Г. Гачева, который ввел в науку, обосновал и раскрыл содержание самого терминологического определения «ускоренное развитие» литературного процесса (Ускоренное развитие литературы. 1964). Ускоренное развитие есть, по мысли ученого, проявление «органического поступательного движения», во время которого происходит «широкий синтез разных способов художественного освоения действительности». «Основные ступени его воспроизводят необходимые фазы мирового литературно-художественного процесса, хотя и не в чистом виде, а часто в зародышевой форме или в смешении с другими ступенями»⁸.

Работа Г. Гачева вызвала полемику и оказала стимулирующее действие на сравнительно-историческое литературоведение. На проблему «ускоренного» развития литературы обратили внимание многие отечественные и зарубежные ученые (А. С. Бушмин, С. В. Никольский, Ю. Степанов, А. Флакер, А. Дима, И. Фрид, Н. Георгиев, Д. Крыстев и др.). Словацкий компаративист Д. Дюришин отводит «теории замедленного или

⁸ Гачев Г. Ускоренное развитие литературы. (на материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964. С. 299.

ускоренного развития отдельных национальных литератур» важное место при анализе зарождения и формирования выявленного им феномена особых межлитературных общностей. В то же время он считает дискуссионными соображения Г. Гачева о том, что следует ожидать от «задержанных» в развитии и «менее дифференцированных литератур» повторение «модели развития более дифференцированных литератур»⁹. Это, действительно, наиболее спорный и уязвимый момент гачевской теории. Он содержит качественную оценку, разделяя литературы на эталонные и те, которые должны на них ориентироваться. В связи с этим Г. Гачев в новых работах «Неминуемое Ускоренное развитие литературы» (1989) и «Национальные образы мира» (1988), где его внимание обращено на национально особенное, уже не настаивает на обязательном прохождении задержанных в своем движении литературами «пропущенных стадий». Ученый называет полную реализацию этих стадий «проблемой».

Принципиально важные уточнения в вопрос об исторически неравномерном движении искусства слова у разных народов вносит монография Г. Н. Поспелова «Стадиальное развитие европейских литератур» (1988). В ней подчеркнута, что литературы народов Европы, особенно русская, в силу особенностей национальной жизни этих народов, проходили стадии своего исторического и культурного развития неравномерно, то в более долгое, то в более краткое время. Для отражения специфики неравномерного движения литератур Г. Н. Поспелов вводит важные терминологические уточнения. Он пишет о двух весьма разных, но в истории национальных литератур продуктивных явлениях: «опережающем ускорении» и «догоняющем ускорении». При этом речь идет именно о специфике развития, а не о качественной оценке литературного процесса¹⁰.

Итогом изученного теоретического материала стал вывод, что «ускоренность развития» - есть импульс, ограниченный во времени, у разных литератур он разный, как разный по времени период ускорения и его характер. Македонская литература не пыталась повторить исторический путь соседних более развитых литератур. Она (это принципиально для понимания специфики процесса) не проходила в ускоренном темпе или усеченном виде те этапы, которые она ранее пропустила. Наоборот,

⁹ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1975. С. 70; Он же. Межлитературные общности как конкретизация закономерностей мировой литературы // Проблемы особых межлитературных общностей / Под ред Д. Дюришина. М., 1993. С. 9–63.

¹⁰ Поспелов Г. Н. Стадиальное развитие европейских литератур. М., 1988. С. 60, 75.

развиваясь с ними «наравне» (в смысле основных художественных тенденций) она в то же время росла и обогащалась.

В становлении и развитии македонской литературы выявлены факторы, сыгравшие ключевую роль в сообщении национальной словесности необходимого «догоняющего ускорения». Так анализ генезиса и основных этапов эволюции этой литературы показал тесную связь художественного слова с историческими условиями жизни народа и общей культурной ситуацией каждого конкретного времени. Смена исторических эпох определила внутреннюю эволюцию литературы периода ее формирования (1880–1945 гг.). Затем исторические и социальные процессы самым непосредственным образом воздействовали на ее судьбу во второй половине XX в. и сыграли свою роль в скачкообразном развитии искусства слова. Эпоха накладывала свой отпечаток и на характер «ускорения» литературного процесса, его продолжительность, наполняя конкретным содержанием понимание роли литературы (наличие общей тематики, проблематики, типов героев и конфликтов).

Всестороннее и эффективное развитие македонской литературе обеспечила опора на богатую фольклорную традицию и неуклонно расширяющееся поле контактов с другими литературами. Такой культурный синтез помог македонской литературе в короткий срок создать национальную словесность современного типа. В этом следует видеть проявление специфического для искусства закона развития, которое без усвоения предшествующих художественных достижений не может двигаться вперед.

Во второй половине XX в. «ускоренное» развитие македонской литературе придали следующие формы взаимодействия с «близкими» и «далекими» литературами: 1) формирование особой межлитературной общности Югославии, неотъемлемой частью которой стала македонская литература, ее открытости мировому литературному процессу; 2) широкая география, богатство и разнообразие связей молодого искусства слова с зарубежной литературой; 3) художественный перевод как форма обогащения национальной словесности и школа литературного мастерства; 4) возникновение типологически родственных явлений, стимулирующих взаимное сближение македонской и литератур других народов.

Определяющую роль для «вектора» движения «ускоренно развивающейся литературы» играет тот конкретный культурный и литературный контекст, в котором она формируется. Для подтверждения типологического сходства в развитии разных литератур, оказавшихся в сопоставимых условиях, в работе привлекалась, в частности, белорусская литература. Она тесно соприкасалась на разных этапах с русской и польской литературами. Македонская литература на протяжении 1945–1991 гг. была важной и неотъемлемой частью большого целого – югославской литературы, Молодая словесность развивалась в одних и тех

же исторических, общественно-политических условиях и в общем, хотя и не лишенном внутренних противоречий, культурном пространстве многонациональной литературы. Убедительным проявлением интенсивного, «ускоренного развития» македонской литературы было то, что она, зародившись в предвоенные годы в русле «социального реализма», в середине XX в. совершила «скачок» и в дальнейшем прошла те же этапы литературного процесса, что и другие югославянские литературы. Внутри югославской литературы шел интенсивный обмен художественным опытом, обогащавший каждую из национальных литератур. Македонские писатели тоже внесли весомый вклад в формирование общего югославского литературного пространства. Их произведения переводились и читались на других языках страны.

Совпадая по времени и в общих чертах с движением других литератур СФРЮ, развитие македонской словесности имело свою специфику, а типологически родственные или возникшие в результате творческого взаимодействия явления – свою македонскую «редакцию». Каждый из этапов, через которые прошла национальная литература, был определен глубокими внутренними процессами. Искусство слова, неуклонно совершенствуясь и обогащая выразительные возможности языка, искало такие ориентиры, которые позволили бы ему отвечать потребностям времени и читателя и увеличивать эффективность собственного развития, помогая становлению жанровой системы.

Источник «ускорения» лежит в эффективности обращения национальной словесности к общемировой традиции. Представляется весьма продуктивным наблюдение П. М. Бицилли о свойстве литературы усваивать предшествующую традицию не в исторической последовательности, а вне хронологии¹¹. Эта закономерность стала для македонской литературы важным фактором его развития. В пестроте и многообразии, быстрой смене художественных ориентиров, причудливом соединении разных эстетических представлений, наложении друг на друга разных «зон влияния» нашла свое выражение творческая энергия молодых поэзии, прозы и драмы. От простых, фольклорных форм, усвоив опыт социалистического реализма, македонская литература перешла к психологическому реализму, а затем к радикально другому, модернистски изощренному искусству.

Особую роль в обогащении национальной литературы сыграл художественный перевод, зародившийся практически одновременно с оригинальным творчеством. Поиски соответствующих стимулов в инациональном опыте активизировали переводческую деятельность. «Переводная литература органически включается в эволюционный процесс отечественной литературы, в определенной степени восполняет недос-

¹¹ Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 188.

таток отечественного эволюционного потенциала и тем самым наиболее выразительно осуществляет свою функцию связующего звена между литературами»¹². Переводу принадлежит важное место в развитии творческих индивидуальностей македонских писателей. Шло интенсивное освоение «готовых», «законченных форм»¹³, выработанных мировой литературой. Так, национальная проза начала осваивать жанр романа во второй половине 1940-х гг. через переводы классики советской литературы, чтобы в начале 1950-х создать первые собственные эпические полотна.

Переводческая активность, интенсивная на протяжении 1945–1990-х гг., служила быстрому развитию выразительных возможностей молодого литературного языка, самой основы литературы, становлению жанров поэзии, прозы и драмы. Выбор произведений для художественного перевода в 1945–1980-е гг. отразил не только меняющиеся идеологические приоритеты времени, смену эстетических ориентиров, но и рост потенциальных возможностей македонского языка, его лексики, стиля, образности, обогащение всей национальной литературной системы. Изучение переводов на македонский язык А. Пушкина А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина и др. выявило особенности формирования национального стихосложения, быстрое освоение им опыта разных версификационных систем (силлабо-тонического стихосложения, тонического акцентного и свободного стиха) и жанров твердой и свободной формы. Быстро растущие возможности национальной поэзии раскрывает, например, успешный перевод Г. Сталевым в 1956 г. «Евгения Онегина» А. Пушкина, с появлением которого связано в македонской лирике развитие ямба.

В основе обращения македонской литературы к зарубежному художественному опыту лежала внутренняя логика национального литературного развития. В динамике жанров, сюжетов, мотивов, изображении жизненных типов, элементах стиля, образности ярко проявляется национальное своеобразие македонской литературы, что на конкретном материале освещено в следующих главах работы.

Глава III – **«Македонская литература на македонском языке (1945–1955 гг.)»**. Первые послевоенные годы в Македонии отличались интенсивностью культурной жизни, протекавшей, однако, при идеологическом контроле компартии, ограничивающем творческие поиски художников. В разделе 1 – **«Культура и литература послевоенного десятилетия. Социалистический реализм»** – подчеркивается, что формирование кадров национальной интеллигенции стало фундаментом для бурного развития всех сфер национальной культуры и в первую очередь

¹² Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. С. 129.

¹³ См.: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 180–181.

литературы и театра. Открытие школ и обучение на национальном языке привело в короткий срок к появлению нового, массового читателя. Национальные искусство и литература были востребованы и стали доступны широким слоям населения.

Общественная и культурная обстановка в социалистической Югославии оказала определяющее влияние на особенности становления молодой македонской литературы. Господству марксистской идеологии соответствовала в искусстве единственный эстетический метод – социалистический реализм. Это отразилось, в частности, на концепции первого литературного журнала, издаваемого на македонском языке, «Нов ден» («Новый день», 1945–1950).

Македонская литература начала складываться как национальная художественная система в рамках социалистического реализма и с опорой на опыт русской (советской) литературы, на долю которой приходилось до 80% переведенных тогда книг. Органичное восприятие именно этой традиции, как доказывается в исследовании, было обусловлено актуальностью ее содержания и представлениями об искусстве, выработанными течением «социальной литературы» предвоенной поры. Творчество писателей, связанных с этой литературой, в первую очередь поэзия К. Рацина, воспринимается в послевоенные годы как бесценный опыт создания литературы национальной по форме и социалистической по содержанию.

На первый план в этом разделе выдвинуто изучение процессов, обусловивших типологическое сходство македонской литературы, ее определенное стилевое единство с литературами других народов Югославии этого времени и с литературами стран, вставших на социалистический путь развития. Сходство проступает, прежде всего, на идейно-тематическом уровне. Главными темами произведений Б. Конеского, А. Шопова, С. Яневского, В. Малеского, К. Чашуле и др. стали революция, победа над фашизмом, восстановление страны и строительство нового, как тогда верилось, самого справедливого общества. В центре внимания литературы – образ положительного героя эпохи: партизана, подпольщика, активного участника коллективизации и социалистического преобразования всего старого уклада жизни.

Характерен и жанровый состав македонской литературы этих лет. Наибольшее распространение в 1945 – начале 1950-х гг. наряду с малыми лирическими формами получает героическая поэма. Успехи прозы тоже связаны с наиболее мобильными малыми жанрами: новеллистикой и очерком. В начале 1950-х гг. усиливается эпическая тенденция, и художественная проза обогащается новыми для национальной литературы жанрами повести и романа. В господстве лирических жанров следует видеть как готовность литературы к эмоциональному восприятию свершившихся событий и пока еще отсутствием перспективы, необходимой

для масштабного, эпического, целостного осмысления произошедшего, так и проявление неразвитости национальной художественной прозы.

Раздел 2 – *Поэзия о подвиге и «светлом завтра»*. Самой интенсивно обогащающейся и в художественном плане эффективной в первый период свободного развития македонской литературы была поэзия. Лирика послевоенных лет содержит романтически возвышенное отражение революционной эпохи, поэтически вдохновенную картину свершившихся событий. Постоянной метафорой революции стали: «весна», «солнце», «заря», «молодость». Образ героя времени неизменно романтизируется: партизан и участник восстановления разрушенной страны прекрасен, молод, отважен, благороден и силен.

Анализ лирики послевоенного времени С. Яневского, Б. Конеского, Г. Ивановского, А. Шопова, Л. Каровского показал, что основой для молодой литературы оставалась (как это было у К. Рацина и в поэзии военных лет) опора на фольклор, традиционные жанры, мотивы и образы которого наполнялись новым содержанием. С. Яневским (сб. «Кровавое ожерелье», 1945, «Стихи», 1948) интерпретируются жанры обрядовой поэзии, колыбельной песни, легенды («Гайдуцкая легенда», «Горная колыбельная», «Свадебная песня»). Поэта привлекает мотив народного эпоса, когда защитник родины, посвящая себя борьбе с врагом, символически «венчается» не с девушкой, а с винтовкой. Этот мотив получил заметное распространение и в других литературах Югославии послевоенного времени.

К числу наиболее ярких произведений начального этапа развития македонской литературы принадлежит поэма Б. Конеского «Мост» (1945)¹⁴, которая одновременно интересна и с точки зрения «ускоренности» эволюционных процессов. Поэма посвящена подвигу партизан и героическому труду молодежи, восстанавливающей разрушенную войной страну. Она проникнута романтическим пафосом, лирически взволнованным воспеванием идеала новой свободной и прекрасной жизни. Автор вдохновенно славит борцов с фашизмом и человека труда, восторженно относится к техническому прогрессу, создавая образ «светлого будущего». Эти типологические черты роднят поэму с другими произведениями национальной и зарубежных славянских литератур послевоенных лет и советской поэзией.

Поэма «Мост» может рассматриваться как своего рода модель, позволяющая понять суть процессов, обеспечивших македонской литературе успешное и динамичное развитие. Б. Конеский широко использует фольклорные мотивы (человеческая жертва как залог прочности постройки), выразительные средства (постоянные эпитеты, типа «сив со-

¹⁴ Б. Конеский неоднократно перерабатывал поэму. Только в издании «Собрания сочинений» 1967 г. текст поэмы приобрел окончательный вид.

кол», «злоба клета», «црвена крв», «свезда јасна», метафоры и сравнения¹⁵), стихотворный размер народной поэзии. В то же время вводятся мотивы, характерные для революционной эпохи (мотив стремительного времени), появляются новые образы-символы (паровоз как символ энергии и созидания). Традиционный «десетерац» («Сказание старого мастера») соседствует с современным ритмическим стихом («лесенкой»). Это вносит существенные инновации в национальную систему стихосложения. Поэма «Мост» демонстрирует силу эстетического воздействия на македонского автора творчества В. Маяковского¹⁶, весьма популярного в те годы в Югославии, и его югославских последователей (Р. Зогович).

Раздел 3 – *У истоков прозы*. Художественная проза на македонском языке зарождается в послевоенные годы. Среди ее основателей писатели В. Малеский, К. Чашуле, Й. Бошковский, С. Яневский. Становление прозы происходит в рассказе, который, схватывая черты духовного облика воина-партизана, формировал свой художественный язык. Молодые литераторы, широко опираясь на инациональный опыт, обратились к темам и проблемам, составлявшим в те годы главное содержание и смысл народной жизни. В основе сюжетов произведений лежат достоверные факты и реальные судьбы, невыдуманные истории, нередко приближающие рассказ к очерку (В. Малеский «Мать»).

Образцом для не имевшей собственной традиции македонской прозы служила классика социалистического реализма (М. Горький, Н. Островский, М. Шолохов, А. Фадеев), популярная среди сторонников революционного движения Югославии еще с довоенных лет. Мы пришли к выводу, что основой для органичного и художественно продуктивного восприятия этого опыта были незыблемые константы общей культурной традиции, в том числе христианской культуры.

Одним из самых распространенных стал мотив материнской жертвы (К. Чашуле «День», «Мать»), восходящий через роман М. Горького «Мать» (первое произведение эпического жанра на македонском языке, переведено в 1946 г.) к христианскому архетипу. Этот мотив является сюжетообразующим в рассказе В. Малеского «Крестьянка из Копачки» (1945), героиня которого приняла идею революции и встала в строй партизанских бойцов вместо погибшего сына¹⁷. Персонажи новеллистики

¹⁵ См.: Паноска Р. За некои особености на првото издание од 1945 г. на поемата «Мостот» од Блаже Конески // Студии и огледи за Конески. Скопје, 2002. С. 87–90.

¹⁶ Сталев Г. Некои форми на стихот од Блаже Конески // Делото на Блаже Конески. Осварувања и перспективи. Скопје, 2002. С. 172.

¹⁷ В переводе В. Малеского в 1946 г. был напечатан рассказ «Макар Чудра». См. подр.: Ѓурчинов М. Максим Горки и почетоци на новата македонска книжевност //

К. Чашуле («Метельной ночью») и Й. Бошковского («Расстрел») проявляют мужество, идейную стойкость и веру в идеалы революции. Тематический диапазон послевоенного рассказа дополняют сюжеты с описанием довоенной жизни («Немой бродяга», «Чапа» Й. Бошковского), в которых появляются герои, напоминающие «босяков» М. Горького.

Быстрое расширение жанрового и тематического диапазона национальной прозы отразил первый роман в македонской литературе «Село за семью ясенями» (1952) С. Яневского, одновременно первый роман в литературах Югославии на тему коллективизации. Борьба сторонников и противников социализма развивается напряженно и полна драматизма, но ее исход в финале романа показывает полное торжество идеи и новой жизни. Написанное под ощутимым влиянием романа М. Шолохова «Поднятая целина» (переведен в 1948 г.), произведение С. Яневского не лишено художественной слабости, что стало одной из причин его переработки (роман «Стволя», 1961). В целом проза этого периода конфликтна и остросюжетна, но идейно определена. Образы сторонников и противников революции и социализма окрашены в контрастные тона, что получило в критике определение «черно-белая техника».

В то же время изучение ассоциативного поля раннего этапа национальной прозы показало, что при всей четкости идеологического критерия и ясности эстетического идеала процесс зарождения македонской прозы проходил более сложно. Писатели уже в этот период начинают осмысливать и художественный опыт Ф. Достоевского, который, правда, воспринимается пока только как автор, показавший уродливость капиталистического общества. Жизнь городской бедноты, сломанные нищетою человеческие судьбы, стремление взрослеющего мальчика противостоять бесчеловечным законам жизни, стали темой первой повести на македонском языке «Улица» (1950) С. Яневского.

Раздел 4 – *Начало перемен*. На рубеже 1940–1950-х гг. обострение и разрыв межпартийных и межгосударственных отношений между Югославией и СССР (1948–1953)¹⁸ повлияли на культурную ситуацию в Югославии и самым существенным образом сказались на македонской литературе. На III съезде Союза писателей Югославии (1952) был провозглашен официальный отказ от социалистического реализма (доклад

Ѓурчинов М. Заговорници на човечнота (огледи за руски писатели). Скопје, 1992. С. 145–154.

¹⁸ По инициативе И. В. Сталина орган Коминтерна Международное Информационное бюро коммунистических и рабочих партий в июне 1948 г. принял резолюцию «О состоянии и положении в КПЮ», содержащее критику ее руководства. Государственные, партийные и дипломатические отношения Югославии и СССР были разорваны и начали восстанавливаться только в 1953 г.

М. Крлежи «О свободе культуры»). Новая доктрина «социалистического эстетизма» (термин сербского литературоведа С. Лукича), при всей ее эклектичности, уравнивала значимость идейного и художественного критериев. Это принесло частичное ослабление идеологического контроля и возможность широкого взаимодействия с разными, в том числе модернистскими, концепциями художественного творчества.

Новое понимание смысла и задач искусства формировалось в острых эстетических дискуссиях, вошедших в историю литературы Югославии как эпоха конфронтации «реалистов» и «модернистов». Это отразили концепции печатных органов: «Савременик» и «Дело» (оба – с 1955, Белград), «Кругови» (1952–1958, Загреб), «Беседа» (1951–1957, Любляна). Полярные взгляды о природе и актуальности реалистического искусства, наследии модернизма и авангарда активизировали творческий поиск, что было особенно важно для молодой македонской литературы. Периодика Македонии пополнилась новыми периодическими изданиями, среди которых выделяются орган «реалистов» «Современост» («Современность», 1951) и «модернистов» «Разгледи» («Рассмотрение», 1953). Полемика стимулировала развитие национальной литературной критики, которая быстро приобрела черты самостоятельной и важной составляющей литературного процесса.

Атмосфера острых критических дискуссий имела следствием расширение горизонта македонской литературы, писатели обратились к новому опыту, обогащая жанровый состав и язык своих произведений. В работе раскрыто типологическое сходство нового типа македонской поэзии с аналогичными явлениями в сербской и хорватской литературе (С. Раичкович, Н. Идризович, В. Парун). Этот феномен югославская критика назвала лирикой «мягкого и нежного звучания». Всем своим строем она полемически противостояла преимущественно рационалистическому мировосприятию социалистического реализма.

В стихотворениях А. Шопова, С. Ивановского, Г. Тодоровского изменился характер лирического героя, охваченного меланхоличными настроениями, погруженного в созерцание природы и личные переживания. Трибун революции Маяковский уступает место С. Есенину, актуализируется аналогичное творчество поэтов других югославских литератур. Например, почитателя и переводчика С. Есенина хорватского поэта Д. Цесарича. «Есенинскими» ритмами и интонациями наполнен сборник С. Ивановского «Встречи и расставания» (1953). Направление поисков в области поэтики, как показало исследование, отразилось в художественно-ассоциативном подтексте произведений, именами, аллюзиями и цитатами связанными с модернистской традицией в европейской культуре (С. Ивановский «Комната» Ван Гога).

Из образного мира поэзии А. Шопова (сб. «Стихи о муке и радости», 1952), оказавшейся в те годы в центре дискуссий, исчезло почти все, что

было свойственно его лирике в военное и послевоенное время, на первый план в противовес коллективистскому мировосприятию выступило субъективное и индивидуальное. Программное стихотворение А. Шопова «В тишине» (1955) содержит новое понимание поэтом задач литературы, формулирует его изменившуюся эстетическую позицию и концепцию творчества. Это обнаруживается в работе при анализе эстетической наполненности мотива «невыразимого», важного для лирики ряда македонских поэтов 1950–1960-х гг. Сопоставление со стихотворениями русских поэтов-романтиков «Невыразимое» (1819) В. А. Жуковского и философской элегией «Silentium!» (1833) Ф. И. Тютчева, несмотря на важные текстуальные совпадения, не позволяет говорить о влиянии этих авторов на А. Шопова. Сравнительный их анализ помог понять смысл принципиальных изменений в эстетических воззрениях поэта XX в. Романтическая формула «невыразимости» возникла у него вследствие нового, иррационального понимания природы искусства. В середине XX века македонскими поэтами актуализируется романтико-созерцательный, основанный на немецкой идеалистической философии тип мировосприятия. Мир становится для них притягательной тайной, которую они до конца не в силах понять. Так молодая литература сделала важный шаг к художественному плюрализму – важному условию обогащения национального искусства слова, что стало отличительной чертой следующего периода.

Глава IV – «Время эстетических перемен (1955–1960-е гг.)».

Середина 1950-х–1960-е гг. рассматриваются в работе как время, когда наблюдается наиболее выраженная интенсивность процесса «ускоренного эстетического развития» македонской литературы, пережившей радикальные изменения во всех областях художественного творчества. Национальная словесность усваивает, прихотливо синтезирует опыт таких разных течений, как символизм, сюрреализм, экзистенциализм, современный «фантастический реализм», одновременно обращаясь и к наследию классики.

Процесс эффективного роста национальной словесности, как показали наши наблюдения, стимулировался и поддерживался развивающимися «вглубь» и расширяющимися литературными связями. Как в сербской, хорватской и словенской, так и в македонской литературах усиливается влияние западноевропейской и американской литератур. Советская литература утрачивает статус идейно-эстетической доминанты, хотя остается важным фактором перевод русской классики, произведений Серебряного века, писателей 1920-х гг. (А. Блок, Б. Пастернак, И. Бунин, И. Бабель, Б. Пильняк, Ю. Олеша). Появление на македонском языке переводов произведений сложной внутренней структуры, с тонким проникновением во внутренний мир личности поддерживало соответствующую линию, формирующуюся в национальной литературе.

Раздел 1. *Лирика: новые темы и формы.* Лирика быстро превращается в зрелый и наиболее репрезентативный род национальной литературы. Она обогащается новыми темами и жанрами, создаются образцы медитативно-философской, любовной и патриотической лирики. Этот период – период расцвета ярких поэтических дарований Б. Конеского, А. Шопова, Г. Тодоровского, М. Матевского, Ч. Якимовского, Р. Павловского, П. М. Андреевского.

Широта творческого поиска македонской поэзии и множественность художественных ориентиров привели к тому, что в ней трудно выделить и разграничить течения или направления. Можно говорить о «реалистическом» и «модернистском» типе поэзии этого периода, но с большой долей условности. У одних и тех же авторов часто в пределах одного сборника обнаруживается интерес к разным, иногда противоположным по художественным принципам, течениям. Импрессионизм, символизм и сюрреализм, одновременно попадая на македонскую почву, преломляются через художественную традицию модернизма в югославских литературах, их современных поисков и воспринимаются национальными македонскими поэтами на основе растущего собственного опыта.

Наиболее продуктивным для македонской поэзии этого времени было обращение к символизму и сюрреализму. Однако принципы этих течений усваивались и реализовывались весьма выборочно, способствуя возникновению новых и самобытных явлений. Подоплекой повышенного интереса национальных поэтов к этому зарубежному опыту было, как мы пришли к выводу, их первостепенное стремление к совершенствованию техники стиха, приемам, придающими языку выразительность, и в гораздо меньшей степени к теоретическим и философским основам художественных явлений. В символизме их привлекал, в первую очередь, культ творческой личности художника-«артиста». В духе максимальной свободы воображения и слова была воспринята магия сюрреализма. При этом македонские поэты не утратили глубинную связь с народной культурой.

Движение македонской поэзии середины 1950–1960-х гг. показало, что возникающие в ней новые и разноплановые явления не выстраиваются в эволюционный ряд. Процесс раскрытия поэтической выразительности молодого языка не был связан с исчерпанностью одних возможностей и поиском новых. Анализ этого феномена позволяет констатировать, что усвоение как традиционных, так и современных форм европейской лирики происходило в македонской литературе одновременно и в весьма короткий срок. Поэзия, отрываясь от фольклорной, связанной с напевом, модели стиха, обращается к принципиально разным литературным системам стихосложения. Она одновременно и успешно осваивает возникшие в исторической последовательности в более раз-

витых литературах (в частности, русской) силлабо-тонику и «авангардный» акцентный тонический стих.

Исследование лирики крупнейшего национального писателя Б. Конеского (Раздел 2. *Поэзия «простая и строгая»*) позволило сделать вывод, что при его несомненном и плодотворном интересе к русскому символизму и особенно к А. Блоку, поэзию которого он успешно переводил, у македонского стихотворца сформировался свой эстетический идеал. Образцом прекрасного Б. Конеский считал «совершенство простоты», раскрыв его в программном стихотворении «Вышивальщица» из одноименного сборника (1955 и 1961). «Простая и строгая, македонская» песня простой крестьянки выразила суть его представления о художественном творчестве. Поэтическое слово Б. Конеского подкупало внешней простотой, оно было близко живой устной речи. Однако его лирика является, прежде всего, эмоциональным выражением внутреннего мира поэта, субъективного мироощущения, эмоциональной и мыслительной рефлексией, отражающей тончайшие движения души. Поэт сохранил дух народной песни, но его стих значительно отличается от напевного фольклорного стиха. Б. Конеский внес большой вклад, частности, в развитие силлабо-тонической поэзии. Его лирика богата с точки зрения версификации (строфики, рифмы, ритмики), ему принадлежат одни из лучших, написанных на македонском языке сонетов, хотя он создал также интересные образцы свободного стиха и стихотворения в прозе.

Главное место в сборнике «Вышивальщица» занимает любовная поэзия, богатая нюансами и оттенками охватившего поэта чувства. Любовные мотивы являются важной составляющей философского осмысления основных вопросов бытия («Тайна», «Влюбленные девушки», «Образ»). В стихотворении «Ангел Святой Софии» переплетаются мотивы вечности, любви и искусства, единственно способного победить время. Оно ассоциативно соотносится с одним из самых известных стихотворений сербского поэта-символиста М Ракича (1876–1936) «Симонида». Пейзажно-медитативная лирика Б. Конеского наполнена взволнованными и психологически напряженными раздумьями, она отражает напряженность внутреннего состояния лирического героя, вызванную чувством растерянности из-за ускользающей гармонии бытия («Отдых», «Из окна поезда»).

Во втором издании сборника «Вышивальщица» (1961) заметна тенденция к укрупнению лирической формы. Одним из наиболее удачных стихотворений большого объема считается «Больной Дойчин». Написанное на основе популярного сюжета народного эпоса, оно раскрывает трагизм одиночества неожиданно обесилевшего человека и своей экзистенциальной проблематикой отвечает поискам национальной литературы 1960-х гг.

Раздел 3. *Под знаком метафоры.* Лирика младших современников Б. Конеского развивалась в другом направлении. В ней глубокий интерес к национальной традиции (что подчеркнуто в поэтическом манифесте «Эпическое – на голосование!») сочетается со стремлением к радикальному обновлению поэтического языка. У Р. Павловского («Засуха, свадьба, переселения», 1961), Б. Гюзела («Медовина», 1962), П. М. Андреевского («И на небе и на земле», 1961) широкое распространение получает усложненная ассоциативно-метафорическая образность. Для них было плодотворным обращение к опыту европейского сюрреализма и сербского надреализма. Основой поэзии становится «ошеломляющий образ», возникающий вследствие сближения удаленных друг от друга объектов. Это лирика грез и сновидения, которая осваивала новое для национальной поэзии поле фантастики и потаенных глубин человеческого сознания. С ней в македонскую поэзию пришла особая «живописность» образов. Молодые поэты культивировали «лирический беспорядок», «уничтожили синтаксис», почти не писали метром и не использовали рифму.

С сюрреалистическим импульсом в значительной мере связано появление в македонской литературе «городской» поэзии В. Урошевича¹⁹ («Некий другой город», 1959), в которой привычные картины при помощи неожиданного ракурса легко превращались в фантазмагорию. Обогащают язык и получают сильный импульс македонская пейзажная и любовная лирика. Особый культ женщины и любви, переосмысленной в духе психоанализа и подсознательного, находит отражение в творчестве М. Матевского, Р. Павловского и П. М. Андреевского. Прославление любви основано на неразрывной связи духовного и телесного (Р. Павловский «Майя»), тесно взаимодействующего и с фольклорно-ритуальным прославлением женского начала природы (П. М. Андреевский «Денница»).

«Македонская редакция» сюрреализма, подчеркнуто в диссертации, имеет свои специфические черты. Национальная поэзия ставила перед собой задачу скорейшего обогащения языка и стиля и не проявляла ни намерения «уничтожить литературу», ни презрения к самому творческому акту, который в свое время основатели течения пытались подменить «автоматическим письмом». В представлении македонских авторов «свобода творчества» не была связана также с «ангажированностью» искусства (это качество связывалась в их представлении с уже отринутым социалистическим реализмом), а проявилась как нестеснен-

¹⁹ В. Урошевич – знаток поэзии европейского сюрреализма и сербского надреализма. Он перевел на македонский язык поэзию О. Давичо и В. Попа, был составителем антологии и переводчиком французских предшественников сюрреализма Ш. Бодлера, А. Рембо, Г. Аполлинера.

ность творческого поиска и неограниченность фантазии. Весьма выраженной оказалась их связь с собственной народной традицией, углубился интерес к обрядам, заговорам, загадкам, т. е. тем фольклорным жанрам, где лучше всего сохранились элементы магии и язычества. В этом важным ориентиром для них послужила поэзия Ф. Г. Лорки и опыт сербского поэта В. Попы.

Раздел 4. *Проза. Герой перед нравственным выбором.* Македонская проза этого периода, как следует из проведенного исследования, порывая с социалистическим реализмом, остро осознавала ограниченность идейной, классовой мотивировки характеров. На смену упрощенно-классовой трактовке пришло общечеловеческое понимание искусства. Внимание к морально-этическим проблемам времени и философским вопросам бытия, новым типам героев и конфликтов стали почвой для зарождения в македонской литературе к концу 1950-х и в 1960-е гг. жанров психологической и философской прозы. Возник и рос интерес к внутреннему миру личности. Писатели обратились к опыту классики, одновременно осваивая и синтезируя свойственную прозе XX в. манеру повествования. Особое значение имел опыт зарубежной (Ф. Достоевский, А. Чехов, Ф. Кафка, Э. Хемингуэй) и югославской литературы (И. Андрич, М. Крлежа, О. Давичо, М. Лалич, Д. Чосич и др.),

Эти черты проявились в новеллистике (С. Яневский «Клоуны и люди», 1954; Б. Конеский «Виноградник», 1955; Д. Солев «Талый снег», 1956) и очень быстро проникли в роман. Писатели овладевали приемами «потока сознания» и проникновения в подсознательное (роман С. Янеского «Две Марины», 1956). Из повествования исчезает открытая идеологическая позиция автора. Вплотную к принципу релятивистского понимания истины подходит С. Яневский. Сюжеты его малой прозы («Одиссея одного бродяги») развиваются на границе между вымыслом и реальностью, автор прямо ссылается на авторитет Ф. Кафки и Э. По. Мир в рассказах македонского писателя часто иллюзорен, превращается в цирк, где все меняется местами и мистифицируется («Старый клоун и лев», «Непроданный смех и оплаченные слезы»). Складывается мозаика в центре с замкнутым на самого себя героем, который по-настоящему живет только в грезах.

Для новеллистики Б. Конеского важным творческим ориентиром стала чеховская проза. Это проявилось в развитии короткого рассказа, переплетении в нем лирических и эпических элементов, повышении внимания к портретной, предметной и пейзажной детали. Социальная среда очерчивается македонским автором лишь несколькими яркими штрихами. Нередко это делается из детской перспективы, при помощи героя, наивно и непосредственно воспринимающего жизнь и усваивающего ее первые, часто болезненные уроки («Башмаки»). Рисуются картины из современной жизни столицы Скопье («Выставка») и провинци-

альных городков («Любовь», «Песня»). Лирическая бессюжетная зарисовка «Виноградник» целиком сосредоточена на внутренних переживаниях героев.

В прозе второй половины 1950-х гг. произошли важные изменения в осмыслении народно-освободительной войны и революции, которые стали изображаться как трагическое и противоречие время в жизни народа. Внимание писателей обратилось к внутренним конфликтам участника исторических событий, к исследованию нравственных истоков подвига. Писателей интересуют «негероические герои», в чем видно общее стремление литературы к «изживанию» романтического пафоса при изображении темы войны и революции (С. Яневского «Конь, огромный, как судьба»; Д. Солев «Талый снег»). Роман поставил в центр своего внимания проблему морального выбора и общие философские вопросы жизни (Д. Солев «Под раскаленным небом», 1957; В. Малеский «То, что было небом», 1958). Ориентиром для писателей стала европейская и американская литература экзистенциализма, оказавшая существенное влияние на развитие романного жанра в литературах Югославии в целом. Плодотворным было также обращение к традиции русской литературы, в первую очередь одному из предшественников экзистенциализма Ф. Достоевскому.

Диалог с Достоевским, как следует из наших наблюдений, ведется по поводу проблемы гуманизма и интерпретации одной из серьезных проблем литературы послереволюционного времени – «убийство ради идеи». Она возникает в рассказах С. Яневского («На мельнице в горах»), затем появляется в романах Д. Солева и В. Малеского. Македонские писатели в ее трактовке исходят из собственного жизненного опыта, особенностей другой исторической эпохи, когда революция совпала с освободительной войной, что наложило свой отпечаток на личность ее участника. Их персонажи проходят через глубокий душевный кризис.

С постановкой и решением этой проблемы связано возникновение национального философско-психологического романа. Вокруг нее развивается конфликт, связанный с проблемой морального выбора в романе В. Малеского («То, что было небом»), герой которого проходит путь, противоположный пути Раскольникова. Главный конфликтный узел романа сосредоточен в душе главного героя, который ищет себя, «свой истинный путь». Это связано у Малеского с решением психологических и философских проблем личности, распятой между двумя идеалами добра: христианским и революционным.

В прозе 1960-х гг. важное место отведено экзистенциальной проблематике. Писатели «моделируют» ситуации, заостренные до предела и заставляющие героя совершать выбор между добром и злом, причем верность законам любви и добра оплачивается ценой жизни (С. Яневский «И боль и гнев», 1964). Впервые обозначенная в произве-

дениях на тему войны и революции, проблематика оказывает влияние и на трактовку других тем – о жизни послевоенной деревни в романе С. Дракулы «Белая долина» (1962) и в «городском» романе Д. Солева «Короткая весна Моно Самоникова» (1964). В каждом случае оказавшийся в одиночестве, не имеющий опоры, лишенный социальных связей протагонист держит экзамен на право называться человеком. Авторы стремятся к универсализму содержания. Это повышает роль символики и ведет к усилению метафорического значения произведений, многие из которых представляют собой, по сути, развернутые метафоры («Черное семя» Т. Георгиевского, 1966).

Между тем к середине 1960-х гг. наметился поворот в македонской прозе от универсализма содержания к постижению национального характера и национальных основ бытия. Это показывается на примере творчества одного из самых ярких писателей Македонии Ж. Чинго (1935–1987). С историко-литературной точки зрения его новеллистика («Пасквелия», 1962 и «Новая Пасквелия», 1965) представляет собой сложный синтез традиций модернистской и реалистической прозы. В ней разрушены преграды между сном и явью, между реальностью и миром фантазии, и в то же время важная роль принадлежит приему типизации образов и ситуаций. Герои Ж. Чинго понятны только на фоне и в тесном взаимоотношении с конкретной социальной и национальной средой. Рассказы писателя в значительной мере предвосхитили развитие яркого и самобытного явления литературы Югославии второй половины 1960-х – начала 1970-х гг., «прозы нового стиля», возрождавшей реалистические приемы, широко использовавшей сказовую манеру повествования. Высшим достижением этой прозы стал роман сербского писателя Д. Михайловича «Венок Петрии» (1975).

Эпоха бурных литературных споров 1950–1960-х гг., противостояние сторонников традиционного и экспериментального искусства, в конечном счете, принесло положительные результаты. Увлечение экспериментами в области художественной формы в македонской литературе выполнило свою эстетическую задачу: оно способствовало быстрому развитию выразительных возможностей литературного языка, рождению метафорически наполненной и ассоциативно богатой поэтической речи, появлению композиционно сложных структур в поэзии, прозе и драме.

Глава V – «1970-1980-е гг. Зрелость литературы. Жанровое и стилевое многообразие». В это двадцатилетие македонская литература не демонстрирует таких резких скачков, как в предшествующий период. Оформившиеся основные роды и жанры позволяют говорить о «выстроенной национальной литературной системе, в рамках которой развива-

ется современное литературное творчество»²⁰. Возросло, как показал изученный материал, значение собственной литературной традиции. Национальное искусство слова обогащается творчеством нескольких поколений писателей.

В литературном процессе этого времени выделяются два этапа: конец 1960–1970-е гг. и 1980–1991 гг. В 1970-е гг. произошла смена эстетических ориентиров. Молодых литераторов интересует творчество таких разных писателей, как Х. Л. Борхес и М. Булгаков, зарождается постмодернизм, продуктивно развиваются жанры фантастической и документальной прозы. Метафоричность остается чертой стиля поэзии, прозы и драматургии, но интерес к актуальной общественной проблематике вел к постепенному отходу от условно-метафорических сюжетов и форм. После смерти И. Б. Тито (1980) возникли возможности для открытой критики югославского варианта социализма, и заметно возросла критическая направленность литературы. 1980-е гг. характеризуются напряженным осмыслением национальной истории и современности, национального характера. Писатели обращаются к поворотным, трагическим событиям в жизни народа. Это десятилетие считается «ренессансом» македонской литературы, расцветом всех ее родов и жанров.

Раздел 1 – *Поэзия: традиции и новаторство*. В работе подчеркивается, что поэзия 1970–1980-х гг. демонстрирует широкий тематический диапазон, философскую углубленность, тонкость и эмоциональную глубину, богатство стиля, ассоциативность, символику, экспериментирует на грани поэзии и прозы. Возникновение и развитие в этот период разнонаправленных тенденций является важным признаком зрелости литературы. Искусство слова сохраняет и умножает сформировавшиеся национальные традиции и одновременно актуализирует достижения мировой литературы.

Философская лирика тяготеет к осмыслению единства универсального и национального, универсального и личного начал жизни. Драматическое и подчас трагическое восприятие мира, с особой силой проявившееся у поэтов старшего поколения, заставляет их обратиться к поискам гармоничных созидательных основ бытия. В лирике П. Бошковского сквозь призму национальной мифологии воссоздана современная драматическая история борьбы человека с силами зла (сб. «Терновое ложе», 1970). А. Шопов, задумываясь над судьбами цивилизации (сб. «Смотрящий в пепел», 1970; «Песня черной женщины», 1976; «Дерево на холме», 1980), видит спасение человечества в самом человеке («человек огромен – океан мал»). В его поэзии интерпретируется библейский мотив созидательной силы слова. Б. Конеский противопос-

²⁰ Друговац М. Историја на македонската книжевност. XX век. Скопје, 1990. С. 349

тавляет силам разрушения искусство, единственно способное продлить жизнь в вечности. («Запись», 1985).

Осознание тесной связи с духовной культурой прошлого и важности национальных истоков творчества придало поэзии «эпичность» и внутренний масштаб. Это наметилось в 1960-е гг. в поэзии Б. Конеского. Затем в 1970-е гг. он, опираясь на традиции средневековой литературы, создает цикл «Проложные жития» («Житие Боны», «Житие Тасы Бояносской», «Успение тети Менки»), где в рамках небольшого стихотворения раскрывается образ македонской женщины-мученицы, труженицы и хранительницы нравственной чистоты. С. Яневский уже в «Евангелии от Лукавого Пейо» (1966) выстраивает историческую перспективу многовековой борьбы македонского народа за выживание и за сохранение родного языка. В «сюжетных» стихотворениях из сборников «Каинавеля» (1968), «Окованное яблоко» (1979), «Танцующие змеи» (1983) он продолжает эту линию. Лирической параболой родословной страны, личной и коллективной истории является сборник М. Матевского «Ирисы» (1976).

Крупным явлением в литературе этого периода стала наполненная гражданским и публицистическим пафосом поэзия Г. Тодоровского. Формальные признаки экспериментальной лирики – игра слов, тонкая ирония, многогранная символика, неожиданное чередование ритмов – служат поэту для реализации острых социальных мотивов. Предугадавший, что всеобщее увлечение метафоричностью грозит превратиться в шаблон («Апофеоз труженика», 1964), Г. Тодоровский создает картины будничной жизни скромных и незаметных людей («Не глотай молча обиды», 1970; «Жители Скопье», 1981; «Невольные, неверные, бессонные», 1987). Тенденция к ослаблению метафоричности языка и стиля стала отличительной чертой македонской (и югославской) лирики 1970–1980-х гг., что сказалось даже в творчестве признанного «короля метафоры» Р. Павловского (циклы «Наедине с Гамлетом», «Тайная вечеря») и других поэтов-«сюрреалистов» П. М. Андреевского, Б. Гюзела, В. Урошевича, Й. Котеского.

Развивается и усиливается прямо противоположная черта – прозаизация поэзии. Молодые поэты (А. Вангелов, Р. Смилян, Э. Клетников, К. Кюлавкова В. Смилевский и др), сохранив лиричность как выражение субъективного восприятия мира, тяготеют к разговорным интонациям, но в 1980-е гг. у ряда авторов исчезает и лиризм как способ мировосприятия, они пытаются выяснить, до каких границ поэзия, теряя свои родовые черты, может оставаться поэзией. Этот эксперимент проходит в русле общих опытов над литературой, когда призрачными стали грани литературных родов и само понятие художественности.

Интеллектуальная поэзия 1970-х гг. А. Шопова, Г. Тодоровского, В. Урошевича, М. Матевского («К теме Икара», «К теме Улисса», «К теме об

Орфее», «К теме о Шекспире») дала толчок развитию новых тенденций в национальной лирике. Как и в других литературах Югославии, в македонской поэзии 1980-х гг. растет влияние деконструктивизма. Стихотворцы осмысливают сам процесс рождения текста. Для молодых поэтов Л. Димитровского и М. Линдро лирика генерируется в «научной лаборатории» как поэтический аналог «генеративной грамматики». Творчество К. Кюлавковой последовательно и убедительно демонстрирует главные особенности этого типа поэзии: ассоциативную связь с предшествующей литературой, цитатность, интеллектуализм, нарушение всевозможных запретов, иронию («Наш согласный», 1981; «Новый путь», 1984). Такая поэзия адресована читателю, способному оценить тонкость литературной игры. Стихотворение «Незнакомцу» К. Кюлавковой предполагает свой интертекстуальный ряд от А. Блока к его македонскому переводчику Б. Конескому. «Филологически» насыщенная поэзия Г. Тодоровского продолжалась в поэтическом мире В. Смилевского («Клетка», 1978; «Икра в раковине», 1989), где устойчива связь с «библиотекой», а библейский мотив сотворения мира выступает в функции «сотворения текста».

Общие тенденции движения поэзии отразились на состоянии ее жанровой системы и развитии версификации. Македонские авторы достигли серьезных успехов в силлабо-тонической поэзии, и одновременно новым опытом обогатился свободный стих. Наряду с сонетом, вобравшим опыт и классических образцов, и достижения символизма, возникает интерес к архаическим, изысканным жанрам – триолету и ронделю. Это особенно свойственно творчеству неосимволистов. Лирика Ч. Якимовского (р. 1940) содержит переосмысление мотивов европейской классики, ей свойственно совершенство ритма и рифмы, музыкальность («Нарцисса», 1966, сонеты из сб. «Ложное море» 1971; сб. «Комета Галлея», 1985).

Из всего этого следует вывод, что македонская лирика 1970–1980-х гг. обладала значительным творческим потенциалом, она показала способность выражать сокровенные помыслы и интеллектуальные запросы современника, свидетельствовала о возросших выразительных возможностях македонского литературного языка.

Раздел 2. *Проза. Проблема универсального и национального.* Македонский роман 1970–1980-х гг. представлял собой динамично развивающееся и разнонаправленное структурное явление. На первый план в диссертации выдвинуты произведения, в которых литература обратилась к осмыслению исторической судьбы народа. Именно в них писатели поставили «вопрос существования македонца на его собственной земле»²¹, сопровождавшийся углубленным анализом его социальной,

²¹ Ѓурчинов М. Современа македонска кнжевност. Скопје, 1983. С. 357.

исторической и морально-психологической природы. В рамках этой проблематики появились наиболее художественно ценные образцы романа, который превратился в репрезентативный жанр национальной словесности. Этапную роль в развитии литературы сыграл роман Ж. Чинго «Большая вода» (1971). Он вобрал в себя художественные достижения лирического и условно-метафорического романа 1950–1960-х гг. и во многом явился его итогом. В то же время в нем явственно проступает живая связь с действительностью, ее насущными проблемами и социально-историческими процессами.

Изученный материал показал, что одной из актуальных проблем романа становится проблема национального характера. Ее невозможно было решить в рамках притчеподобной прозы предшествующего периода. Она решается как в произведениях, осмысляющих поворотные моменты в исторической судьбе народа (В. Малеский, «Ткацкий станок», 1969; «Узелки памяти», посм. 1990; С. Яневский «Упрямы», 1971; П. М. Андреевский «Пырей», 1980), так и обращенных к современности (Д. Солев «Заря» за углом», 1984).

Задумывающиеся над трагической историей своего народа македонские писатели на первый план выдвигают мотив стойкости, силы духа и упорства, позволивший македонцам выстоять в их многовековой трагической борьбе и не исчезнуть в истории. Подчеркивается, что в поисках национально значимого они обращаются к исторической конкретике и к богатой национальной мифологии и реализуют эту задачу в русле плодотворного в литературе XX в. «фантастического реализма», соединяющего материальный и трансцендентный уровни бытия.

Высокая концентрация мифов и легенд, присутствие которых мотивировано особыми исторически конкретными условиями жизни народа, стала в «Упрямах» С. Яневского «инструментом», позволившим ему создать этнопсихологический портрет македонца, сформировавшийся в особых исторических обстоятельствах. Богатый мифологический пласт романа дает возможность раскрыть подлинное содержание понятия «упрямства» как верности обычаям предков и стойкости. У С. Яневского это национальное качество прочно соотносится с героическим началом.

Один из лучших в македонской литературе роман «Пырей» (1980) П. М. Андреевского вобрал и синтезировал опыт предшественников (поэзия Б. Конеского, проза Ж. Чинго и С. Яневского) и поиски других югославских писателей (И. Андрич, Д. Чосич). Он имеет внутренний эпический потенциал, который ему придают переплетение судьбы личности с судьбой нации, эпические мотивы дороги и дома, «народная» сказовая манера повествования и масштаб характера главной героини Велики. Наличие этих жанровых параметров создает необходимые условия для масштаба романа-эпопеи. Писатель выбирает субъективное видение истории, избегает эпически широкого ракурса изображения

подлинных исторических событий Первой мировой войны, участником которых был его герой храбрый воин Йон. В художественной ткани романа постоянно переплетаются реальные события из жизни героев и элементы фантастики, связанные с широким присутствием национальных легенд, сказок, преданий.

П. М. Андреевский, как и другие авторы XX в. (М. Шолохов, А. Исакович), поставил в своем произведении проблему противоборства личности беспощадным историческим и жизненным обстоятельствам, поискам нравственной опоры для человека. Встав на позицию героя из народа, он выдвинул в центр повествования тип личности, обладающий высоким нравственным потенциалом. Бессмысленности и абсурду противостоит героиня романа – один из самых колоритных и сильных в македонской литературе народных характеров Велика Мегленоска. Этот образ придает роману высокий трагический пафос. По своей жизнестойкости героиня может быть сопоставлена с шолоховским Андреем Соколовым. Именно Велика является философским центром романа. С ней связана постановка и развитие темы судьбы. Даже потеряв все, что составляет подлинную ценность жизни, герои из народа не воспринимают мир как бессмысленность. Они находят высший смысл бытия в самом человеке, его бесконечной способности к любви и добру, что является потребностью человеческой души. Неграмотная крестьянка Велика живет сердцем, ощущая себя частью своего народа и чутко воспринимая красоту окружающей природы.

Д. Солев («Кизил», 1980) и В. Малеский («Узелки памяти», 1990) обратились к революционной эпохе и образ «героя своего времени» реализовали в жанре биографического романа. Их романы дали толчок развитию македонской документально-художественной прозы (Ц. Андреевский «Разговоры с Конеским», 1991; М. Гюрчинов «Освоение реальности», 2000).

Углубление интереса Д. Солева к реалистическому изображению жизни характерно для всего позднего творчества писателя. Наиболее ярко это отразил роман «Заря за углом», где автор обращается к современной эпохе и населяет свое произведение обыкновенными героями, которые раскрываются в будничных, но колоритных жизненных ситуациях. Это произведение нередко соотносилось исследователями с сербской «прозой действительности» 1970-х гг. В художественном мире романа Д. Солева обнаруживаются, однако, другие ориентиры. Он насыщен аллюзиями, связанными с произведениями русской классической литературы. Его роман представляет собой «записки из надземелья», ассоциативно отсылающие читателя к повести Ф. Достоевского «Записки из подполья». Пародированное, перевернутое ее восприятие носит принципиальный характер, свидетельствует об изменении отношения к предтече экзистенциализма и этому явлению в целом. Одновременно македонским автором актуализируется значение художественного опыта

Н. В. Гоголя. Д. Солев сосредотачивает внимание на внешнем, объективном («тине мелочей, которая ежеминутно перед очами»), изображая не сложного индивидуума, а персонажей типичных для разных слоев общества. Перед читателем проходит пестрая вереница жителей Скопье, выстраивается целая галерея жизненных типов, раскрывающихся на фоне конкретной национальной среды. Это, однако, не гротескное, как в «Мертвых душах», а ироничное, даже сочувственное отношение македонского писателя к своим героям. Гротесковое изображение «мертвых душ» развернуто в следующем романе Солева «Дублер» (1987). Появление таких многоплановых произведений является свидетельством зрелости литературы, ее возросшего потенциала.

Раздел 3. *Драма. Синтез фольклора и авангарда.* Успех национальной драме принесло освоение опыта психологической и экзистенциалистской драмы, синтез традиций фольклорного театра и авангардного искусства XX в. В 1970-е гг. она достигает значительных результатов и выходит за национальные рамки. Проявляя интерес к традициям европейского авангардистского театра (антидрама Э. Ионеско и С. Беккета), македонские драматурги творчески перерабатывают его опыт, не порывая с реалистическим и народным театром.

Не менее важной для нее был собственный опыт межвоенного времени и предшествующих периодов, когда она, находясь «в тени» лирики и прозы, вырабатывала и совершенствовала свой художественный язык. Большой вклад в ее развитие внесли: психологическая драма К. Чашуле «Ветка на ветру» (1957), построенные на морально-этических коллизиях вобравшие опыт экзистенциалистской драмы пьесы Т. Арсовского («Парадокс Диогена», 1961), обращенные к современной проблематике, часто сатирически заостренные драмы Б. Пендовского («Под пирамидой», 1973).

Подлинную популярность и признание современной македонской драме принесло в 1970-1980-е гг. творчество молодых драматургов Г. Стефановского и Й. Плевнеша. К ним на рубеже 1980-1990-х гг. присоединились В. Андоновский и Д. Дуковский. Критика назвала их драматургами «молодой волны».

Пьеса Г. Стефановского «Яне Баламут» (1974) – «сказка в двух действиях, с прологом» – произвела переворот в современной драматургии Македонии и Югославии. На белградском фестивале «Стериино позорье» (1975) она получила восемь премий. С этого времени драмы Стефановского переводятся и ставятся за пределами Македонии, в том числе на русском языке («Дикое мясо», 1979; «Полет на месте», 1981; «Ні-фі», «Двойное дно», 1983; «Гатуированные души», 1985; «Вавилонская башня», 1989).

Пьеса «Яне Баламут» представляет собой синтез современной драмы и искусства фольклорного театра. Ее сюжет выдержан в духе сказочной

традиции. Обилие остроумных диалогов, комических сценок и ситуаций сближает пьесу Стефановского с ярмарочным балаганом. Но, как показывал анализ, стихия живого разговорного языка и народного действия далеко не является в ней самодовлеющим материалом. Действие развивается между негероическим Яне и ложным божеством Змеем, в центре него - вопрос о том, что есть человек. Это спектакль притчевоего характера, с народной основой, но ярко выраженным авторским началом. Его цель – создание вневременного духовного образа народа, питающего свои силы из двух вечных источников – родной веры и родного животворного языка.

В 1980-е и на рубеже 1980–1990-х гг. на фоне катастрофического распада Югославии драматурги обратились к актуальным мотивам общественной жизни и острым политическим вопросам, что принесло им значительный успех у публики. Жанр современной социально-психологической реалистической драмы представляет собой обширную сценическую метафору фашизма в пьесе «Дикое мясо» (1979) Г. Стефановского. Для нее характерны четко определенные пространство и время, напряженный конфликт и «незашифрованная» авторская позиция, реалистически мотивированные поступки героев. Философский и нравственный конфликт, мысль о сохранении исторической памяти и национальной культуры развивается в пьесе этого автора на исторический сюжет «Полет на месте» (1982). Распадение Югославии, кровавые конфликты в Боснии, трагическая судьба всего славянского мира – фон, на котором развивается действие в драмах В. Андоновского. («Бунт в доме престарелых», «Адская машина», 1993). Автор размышляет об утрате современным человеком исторических корней, о разрушении и забвении тех идеалов, которые давали предкам силу духа и уверенность в собственной правоте, объединяли их и делали великанами, способными противостоять давлению истории. Традиции не вечны, но от них можно отступать лишь во имя лучших и более гуманных обычаев – такова главная идея пьесы молодого автора. С приближением конца второго тысячелетия в драме (это явление отмечено и в поэзии) усиливается присутствие апокалиптических мотивов.

Македонская драма последнего десятилетия XX в. отходит от традиций реалистического театра и отказывается от его важнейшего принципа «жизненного подобия». Пьесам неведомы полутона, психологическая тонкость героев, убедительность мотивировки их поступков и конфликтов. Современный театр ориентирован на зрелищность, на гротесковую заостренность злободневной идеи. Он культивирует основной принцип драматургии Э. Ионеско: театр не может без эффектов, и эффекты могут быть только сильные.

Постмодернистские принципы проникают и в драматургию. Находит частое применение прием «театр в театре». Д. Дуковский в пьесе «Balkan

is not dead, или Магия эдельвейса» (1992) последовательно реализует постмодернистски свободное отношение к литературной традиции. И сюжет, и конфликт, и персонажи заимствованы из драмы основоположника национального театра В. Чернодринского «Македонская кровавая свадьба». Драматург переосмысляет хорошо известный зрителю текст, «дописывает» сцены, вводит новые персонажи.

Современные драматурги охотно и широко экспериментируют с жанровой формой. Д. Дуковский одну из своих драм назвал «параноей»²², В. Андоновский – «сказкой-концентратом» и «превентивной драмой», Й. Плевнеш – «трагедия наоборот». Изменения затронули самую основу драматической формы – она «распадается», в ней нет сюжета как развивающегося действия, целостность достигается настроением, объединяющим разрозненные эпизоды. Сценическая условность нарочито заостряется, в одной и той же пьесе используются приемы ритуального театра, античной драмы, современного представления. Банальная реальность переплетается с фантастикой, фольклорные мотивы с тривиальными, трагические ситуации завершаются фарсом. Герои театра конца XX в. не характеры и не персонажи, они крайне схематичны и условны. В целом, современные пьесы – это менее всего тексты для чтения. Они могут жить только на сцене, возникая в сотворчестве драматурга, режиссера и актеров.

В **Заключении** подведены итоги исследования. Делается вывод об уникальности развития молодой (по мировым меркам литературы), которое шло ускоренными темпами, но без повторения этапов развития «более старых» литератур. «Догоняющий» принцип эволюции на протяжении второй половины XX в. был неразрывно связан в принципах народной культуры. Такой тип созревания искусства слова представлял собой значительный шаг вперед, «скачок», давший возможность национальной словесности к дальнейшему синхронному развитию с другими литературами многонациональной страны. Принадлежность македонской литературы к югославской межлитературной общности стала важным фактором быстрого обретения ею художественной зрелости.

Творческий опыт мировой литературной традиции усваивался не в хронологическом, а в свободном порядке. В поэзии имеломесто практически синхронное становление разных систем стихосложения, а в прозе и драме – одновременное обращение как к опыту классики, так и модернистского искусства.

В 1945 – 1960-е гг. македонская словесность широко опиралась на традиции мировой литературы, национальные писатели видели в искусстве слова других народов своеобразную школу мастерства, воспринимая типы сюжетов и героев времени, жанровые образцы и предлагая их

²² Дуковски Д. М.м.е. кој прв почна. Параноја. Драма поставлена в Скопье в 1997 г.

собственное видение. В 1970–1991 гг. молодая литература все шире и увереннее использует собственный опыт.

Македонская литература подошла к рубежу второго и третьего тысячелетий как литература самостоятельного государства. Это явление самобытное, запечатлевшее оригинальные национальные жизненные типы и судьбоносные события истории народа, отражающее растущие и выразительные возможности молодого литературного языка.

**СПИСОК
ОСНОВНЫХ РАБОТ А. Г. ШЕШКЕН
ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ**

*Монографии, главы в фундаментальных исследованиях,
учебные пособия*

1. Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие: Монография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 249 с.
2. Студии по македонската литература: Монография. Скопје. Дијалог, 2005. 168 с.
3. Македонская литература 1920–1930-х гг. // История литератур западных и южных славян: В 3 т. Т. 3. М.: Индрик, 2001. С. 706–730.
4. Македонская литература 1941–1945 гг. // История литератур западных и южных славян: В 3 т. Т. 3. М.: Индрик, 2001. С. 921–932.
5. Македонская литература 1970–1980-х гг. // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2 т. Т. 2. М.: Индрик, 2001. С. 432–642.
6. Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2003. 144 с.
7. Программы по истории македонской литературы, истории македонской литературной критики, истории македонской культуры (фольклор, литература, архитектура, изобразительное искусство, театр) // Македонистика. Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 29–61.

Статьи, рецензии

8. «Тихий Дон» М. А. Шолохова в литературе Югославии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1978. № 5. С. 25–32.
9. Книга о Шолохове в Югославии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1984. № 1. С. 169–171. (Рец.)
10. Творчество В. В. Маяковского в литературоведении европейских социалистических стран (70-е – начало 80-х гг.) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1988. № 1. С. 29–35.

11. Фольклор славянских народов в исследованиях советских ученых 1983–1987 гг. // Проблемы славянского литературоведения в СССР (1983–1987) / ИНИОН РАН. М., 1988. С. 105–127.
12. Концепция героя в новейшей югославской прозе // Концепция человека в современной литературе (80-е гг.). Информационные материалы к общеакадемической программе «Человек – наука – общество» / РАН. М., 1990. С. 137–149.
13. Новые исследования о русском авангарде // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1989. № 6. С. 27–33.
14. Книга о «русском Белграде». // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1992. № 6. С. 160–162. (Рец.)
15. В. Смилевский. Очерки по македонской литературе // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1995. № 6. С. 175–178. (Рец.)
16. Творчество Михаила Шолохова в литературах югославянских народов // Литература южных и западных славян XX в. Проза 1960–1970-х гг. М.: Изд. Моск. ун-та, 1994. С. 58–78.
17. Изменение повествовательной модели в сербском модернистском и постмодернистском романе (на примере романов Б. Щепановича и Д. Киша) // Славяноведение. 1995. № 5. С. 69–73.
18. Роман А. Исаковича «Мгновенье. 1». Новые аспекты // Славяноведение. 1996. № 3. С. 141–144.
19. Фольклор в творчестве М. Шолохова и Живко Чинго // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски. Скопје, 1998. С. 213–217.
20. Особенности развития лирического романа в македонской литературе 50–70-х гг. // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М.: Изд Моск. ун-та, 1999. С. 203–207.
21. Восприятие творчества А. С. Пушкина в Македонии // А. С. Пушкин и мир славянской культуры (к 200-летию со дня рождения поэта). М.: Изд. РАН, 2000. С. 73–79.
22. Вклад ученых русской эмиграции в изучение русско-югославских литературных связей (Белградский Пушкинский сборник) // F. Preštn – A. Puškin (ob 200-letnici njunego rojstva). Ljubljana, 2001. S. 219–225.
23. Македонская литература 1990-х годов // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность – непрерывность литературного процесса. М., 2002. С. 239–255.
24. Македонская литература: особенности становления и развития // К XIII международному съезду славистов. Литература, культура и фольклор славянских народов. Материалы конференции. Июнь М., 2002. С. 143–150.

25. Творчество Блаже Конеского и русская литература // Дело на Блаже Конески. Остварувања и перспективи. Скопје: Изд. МАНУ, 2002. С. 213–222.
26. Поэма Максима Богдановича «Вероника» в контексте русской и европейской литературных традиций // Славянский вестник. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 201–210.
27. Блаже Конески и руската литература // Синтези. Скопје, 2005. № 1. С. 44–46.
28. Достоевски и македонската проза (1950–1980) // Современост. Скопје, 2005. № 3 С. 43–50.
29. Ф. М. Достоевски и формирањето на македонскиот филозофско-психолошки роман // Семинар за македонски јазик, литература и култура. XXXII Научна дискусија. Охрид, 2006. С. 209–219.
30. Поэзия Б. Конеского (к вопросу об особенностях становления и развития современной македонской литературы) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2007. № 2. С. 49–61.
31. Ѓурчинов М. Хармонија во хаосот: Руска книжевна класика и модерна. Скопје, 2004 // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2007. № 4. С. 177–180. (Рец.)